

ЭТО стало правилом: чем глубже проникает прозаик в тайны своей профессии, тем охотнее берется он за анализ жизни обыкновенной, тихой, обыденной. Наш век, видимо, в любом деле располагает к расщеплению атома обыкновенной воды, к поискам изначальной цепной реакции.

Имя Григория Бакланова давно и прочно стоит в шеренге военных прозаиков. А начинал он, между прочим, отнюдь не с воспоминаний о войне — хорошо помню его в поношенной гимнастёрке и задубевших кирзовых сапогах, когда он принес свои первые очерки. Военной была только форма одежды — очерки были о тогдашней деревне. Наверное, наши нынешние споры о пользе и вреде разделения текущей прозы на «военную», «деревенскую», «городскую» были бы не столь затяжными, если бы договориться сообща: прямота и безоглядность военной поры подсказали новые точки отсчета всему последующему искусству, какой бы жизни оно ни касалось. Во всяком случае, для творчества тех, кого мы привыкли числить по разряду «военной» прозы, это сегодня стало несомненным: все чаще обращаются они к невоенному материалу, а высота идейно-нравст-

Если не ты, то кто же?

(О повестях Григория БАКЛАНОВА «Навеки —
девятнадцатилетние» и «Меньший среди
братьев»)

венной позиции та же — фронтовая.

Две недавние повести Г. Бакланова — «Навеки — девятнадцатилетние» и «Меньший среди братьев» — наглядный тому пример. Первая из них типична для «военного» Бакланова: снова лейтенантская судьба вчерашнего школьника, снова арtdивизион, снова «пядь земли» где-то «южнее главного удара». И Володя Третьяков ничуть не удачливее, не «победительнее» тех, о ком писал писатель-фронтник и в «Мертвые сраму не имут», и в «Июле 41 года». Да и не могло быть иначе, если теперь уже не только пережившему эту судьбу автору, но и беспристрастной исторической статистике известно доподлинно: девять дней до ранения или смертной черты — вот тот жесточайший срок, который был отпущен таким лейтенантам на передовой в Отечественную войну. Оттого так мало среди нас сегодня мужчин 23-го, 24-го, 25-го годов рождения, тогдашних

девятнадцатилетних. Оттого так серьезны и истовы в своем «не могу молчать» писатели этого поколения... Правда, сегодняшний баклановский лейтенант не просто мудр (они все были мудрее своего возраста), его ответственность и мудрость стали разговорчивей, философичней.

Строгий к себе писатель заставляет нас вместе со своими героями возвращаться к нелегким проблемам, на которые во времена не было найдено верных, исчерпывающих ответов. Есть в этом высшая цель и высшие соображения, требующие и от памяти нашей быть мудрой. Вот одно из таких соображений, мучившее Володю Третьякова в госпитале той, второй мировой войны: «...Одна и та же мысль не давала покоя: неужели когда-нибудь окажется, что этой войны могло не быть? Что в силах людей было предотвратить это? И миллионы остались бы живы...»

Профессор истории Илья Константинович, «меньший среди

братьев», наш современник, а к концу войны он тоже был девятнадцатилетним, знает о наивных рассуждениях юного лейтенанта, помнит их продолжение: «Ведь это не движением планет предопределено, это все мы, люди», — горячился тогда Друг Третьяков, погибший девятнадцатилетним. — «Иначе зачем мы все, если ничего от нас не зависит?» Сегодняшний профессор искренне удивлен: «Понимал ли он, какие угрозы огромные следовали выводам?» Теперь он вместе со всей наукой такие выводы сделал: «Свершившееся всегда кажется неизбежным. И тогда людям казалось, что война неизбежна, но не было фатальной неизбежности, я все больше убеждаюсь, не было ее».

Новая повесть Бакланова написана на том уровне философского размаха, который мы с радостью ощутили в последних романах Айтматова, Гранина, Бондарева, Авижюса, Думбадзе, Гончара — во всем лучшем, что дала нам проза последних лет.

Задолго до войны Ильф и Петров шутили: хватит бороться за чистоту — давайте подметать улицы. На языке фронтовых повестей Казаневича эта же мысль звучала короче и проще: «Это был поступок». У Бакланова Володя Третьяков,

ровесник Илья Константиновича, спрашивал в свои девятнадцать лет: «Иначе зачем мы все, если ничего от нас не зависит?» Спрашивал не по мелкому поводу, а в размышлениях быть или не быть войне... Сегодня Илья Константинович знает и хорошо понимает, способен до мелочей разъяснить то, о чем Володя мог только догадываться. Он умный, добрый, правдиво мыслящий и много почувствовавший человек — но где же его поступки?

Человек, растерявший себя между словом и делом... На опасность такого разрыва уже не раз обращали внимание съезды коммунистов, все больше людей в сегодняшнем, тревожном мире ощущают эту опасность. Современник-интеллигент лучше других знает, каким сильным и добрым оружием могут служить новая мысль, смелое слово. Но беда, если совесть и мудрости хватает только на слова, если порядочность используется только «для внутреннего употребления». В лучшем случае это оборачивается равнодушием, в худшем — трагедией. Ибо — если не ты, то кто же?

Бакланов глубже других заглянул в этот острейший, характернейший конфликт времени. Он увидел, внимательно выслушал, до конца понял — и не простил такого интеллигента.

Не простил от имени Володи Третьякова и других «навеки — девятнадцатилетних».

Вадим СОКОЛОВ